

Путь к читателю

Ольга ГЛАЗУНОВА

«БОЛЬШИЕ КНИГИ»
СОВРЕМЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
(«Травля» С. Филипенко, «Ненастье»
А. Иванова, «Крепость» П. Алешковского,
«Зимняя дорога» Л. Юзефовича)

Среди претендентов на премию «Большая книга» люди разного возраста и с разным представлением о том, как надо писать романы. И это естественно, ведь литературный процесс — это творческая лаборатория, в которой писатели, как алхимики, ищут подходящие формы для претворения известного только им содержания.

Так уж сложилось, что в наше время поиск новых путей развития художественной литературы в большей степени ограничивается структурными новшествами. Например, белорусский писатель **Саша Филипенко** для своего романа выбрал сонатную форму. Чтобы этот авторский ход не остался незамеченным, роману предшествует взятое из словаря определение сонаты, каждая часть разбивается «паузами» и предваряется специальными обозначениями: вступление, экспозиция, связующая партия, побочные партии, сдвиг и т. д.

Мне кажется, что выбранная музыкальная форма стилистически не сочетается с названием «**Травля**», но автор, скорее всего, об этом не думал — его внимание было сосредоточено на содержании. «Любое произведение, — по мнению Филипен-

Ольга Игоревна Глазунова — лингвист, литературовед, специалист по русскому языку как иностранному. Работает в Институте филологических исследований СПбГУ, старший научный сотрудник.

ко, — так или иначе, автобиографично. Создавая персонажей и ситуации, ты пропускаешь все через себя. Так что оно и очень автобиографично, и совершенно неавтобиографично. Главный герой переживает события, которые в том или ином виде происходили со мной и моими друзьями-сценаристами. Он — компиляция из людей, с которыми я работал»¹.

Из биографии автора мы узнаем, что Саша Филипенко родился в Минске в 1984 году, окончил Республиканский лицей искусств, где учился игре на виолончели. Один из героев романа «Травля», Марк Смыслов, тоже играет на виолончели. Знакомство с ним в романе происходит в разделе «Экспозиция»: «*В этом отрывке мы знакомимся с Марком Смысловым, известным виолончелистом, который и исполнит для нас это произведение*». Данная ремарка позволяет нам сделать вывод, что образ главного героя романа, который является и его «исполнителем», соотносится с самим автором.

Нельзя не отметить манеру автора характеризовать своих героев скупой, одним мазком, в результате чего его произведение больше напоминает не роман, а памфлет или басню: *известный виолончелист Марк Смыслов, чиновник-коррупционер Владимир Славин, гей Александр Славин, жертва компьютерных игр Анатолий Славин, брат Марка журналист-приспособленец Лев Смыслов, журналист-правдолюб Антон Пятый и т. д.*

При этом каждый из героев сохраняет приписанное ему качество на протяжении всего повествования. У виолончелиста Марка Смылова это тщеславие: «Сегодня вечером я буду блистать», «Сегодня вечером я дам лучший концерт в своей жизни», «Я понимаю, что сегодня будет великий концерт!»². А Антон Пятый, вокруг которого разгорается травля, отличается крайней степенью мальчишеской беспечности. На слова друга о том, что «все эти людишки с большим удовольствием закончат работу, которую их родственники начали в 1917 году. Они уничтожат нас!», он отвечает: «Какую печальную картину вы нарисовали, дорогой друг. Радует одно — если это и случится, то уж точно не сегодня. И я предлагаю выпить за это. Идет?»

Присутствующие в романе словосочетания типа «папенька», «милый друг», «люди высокодуховные», «соизвольте рассказать», «ужинать садятся на исходе седьмого», в силу своей слащавой напыщенности, выпадают из общего хода повествования. С той же долей несурзанности воспринимается привязанный к тексту романа рассказ о судебном заседании, на котором слушают дело о публикации в сети «пустого сообщения», которое «хмыри» из страны, где «специально запрещают улыбаться», восприняли как оскорбление.

Описание судебного разбирательства напоминает сцены из комических телевизионных программ, над которыми переехавший из Белоруссии в Россию автор какое-то время трудился: «в момент, когда проходит данное судебное разбирательство, в стране, где проходит данное судебное разбирательство, уже десять лет как проведена судебная реформа, главным итогом которой стала оптимизация кадров судопроизводства. Как результат: прокурор и адвокат стали одним субъектом судебного процесса. Данное решение было принято подавляющим большинством голосов и весьма нравилось судьям, чей рабочий день, выражаясь языком нормативным, стал „гораз-

¹ «Саша Филипенко: человек, который шутит вопреки (Сценарист „Прожекторпэриксхилтон“ пишет грустные и смешные книги и считает, что отечественное телевидение помогает пищеварению)». <http://eclectic-magazine.ru/sasha-filipenko-chelovek-kotoryj-shutit-vopreki/>

² То же самое качество проявляется в отношении автора к своим произведениям. Вот, например, как Филипенко оценивает свой роман «Бывший сын» (М.: Время, 2013): «Через несколько лет, вот увидите, эта книга войдет в курс истории или литературы Беларуси». <http://news.tut.by/culture/417030.html>

до более замечательнее“. Потерпевших представляла группа верующих, чьи чувства были оскорблены. Они пришли в зал с плакатами и говорили заученными фразами, что, безусловно, нравилось телезрителям».

Лично у меня сложилось впечатление, что присутствующий в романе сарказм направлен не на Россию, которую писатель знает плохо, а на Белоруссию. Выбирая в качестве объекта своей критики Россию, Филипенко невольно ориентируется на свою родину, из которой в свое время решил уехать. Россия же ему ничего плохого не сделала. Наоборот: здесь он получил образование, работу и возможность говорить все, что вздумается.

Однако критический потенциал молодого писателя требовал выхода, и такого рода сублимация давала возможность не только снять внутреннее напряжение, но и получить одобрение коллег по работе, а также материальное вознаграждение в виде премий, наград и т. д. В результате недовольство «городом посредственных архитекторов», которое автор выплескивал на страницах романа «Бывший сын» («Парк скулацоуца», «Укради меня паук», «Площадь ебу я Коласа», «Площадь мне не в моги» и, наконец, «Октеблятская»), было перенесено на Москву и Петербург в романе «Травля».

Вот, например, как Филипенко излагает воспоминания Льва Смыслова о его учебе на филологическом факультете СПбГУ: «Половину зарплаты я отдаю маме, вторую пропиваю. Не может идти и речи о хорошей одежде, машине или поездках на выходные в Прагу. Ухоженные девочки, которыми, словно колбасу, набивают филфак, не обращают на меня никакого внимания. Мои романтические отношения сводятся к редким свиданиям с девушкой из Брянска. Девочка хорошенькая, я бы даже сказал, красивая, но и близко не тот сорт, о котором я мечтаю».

Очевидно, что у родившегося в Петербурге Льва Смыслова такого рода комплексов быть не могло, значит, эти переживания автор мог почерпнуть только из собственной биографии. «Я окончил филологический факультет и магистратуру СПбГУ, — вспоминает Филипенко. — То есть я шесть лет занимался французской литературой»³. «Магистратура» в данном случае была явно лишней, но молодого писателя это не смущает, как не смущают его и присутствующие в «Травле» фразы типа «Заканчивается одна сигарета, случается следующая», которые выпускнику филфака чести не делают.

Надо сказать, что о филологическом факультете СПбГУ у Саши Филипенко сложились весьма своеобразные представления. В романе автор приписывает их все тому же Льву Смыслову: «У тебя есть жена. Раз в неделю твоя жена посещает салон красоты. В этом салоне все сотрудники обязаны носить строгую, черную одежду. В этом салоне (а где же еще работать после филфака?) администратором числится девушка по имени Алиса, которая рассказывает своим подружкам-коллегам, что бросила того толстого, но уже опять не одна». Хотя биография автора свидетельствует о том, что для выпускников филфака, которые вместо работы по профилю выбирают хорошо оплачиваемую сферу обслуживания, варианты трудоустройства салонами красоты не ограничиваются.

Опыт работы в многочисленных развлекательных программах на российском телевидении оказал большое влияние на творческую манеру молодого белорусского писателя. Критики называют ее «лаконичной», но если говорить по сути, роман Филипенко представляет собой не что иное, как краткие сценарные зарисовки: «Саша только что вернулся с тренировки, Толя не может оторваться от компьютерной игры. Ужинать садятся на исходе седьмого. Из колонок фонят „Подмосковные вечера“. Выписанный повар подает морские фрукты. Павел хвастает, что,

³ Там же.

съездив в Антиб, выторговал у месье Гийома три бутылки по шесть тысяч каждая. Александр молчит. Толя играет»; или «Озеро вышло из берегов. Маленькие пирсы скрылись под водой. Выше обычного поднялись катамараны. Набережную затопило. Машина, которая должна была нас встречать, где-то застряла». Манера повествования молодого писателя напоминает детские стихи Сергея Михалкова: «Толя пел, Борис молчал, Николай ногой качал», вот только мы, читатели, давно уже вышли из младшего школьного возраста.

Если сценарии развлекательных телепрограмм определили литературный стиль автора, то его работа в качестве ведущего телеканала «Дождь» позволила в мельчайших подробностях разработать и описать процесс травли журналиста-правдолюбца Антона Пятого. В романе этот план был воплощен в жизнь Львом Смысловым и его приятелем цыганом Кало. Весьма интересные образы, на которых стоит остановиться подробнее.

Взгляды, которые в романе приписаны Смыслову, ничем не отличаются от того, что говорят о своих оппонентах ведущие и гости телеканала «Дождь». Судите сами: «С нами работает один полудурок. Я сейчас и не вспомню, как его зовут. Миша, Гриша, как-то так. Знаешь, такое толстое, бородатое ничтожество. С утра до вечера он пыхтит над своими статейками, рассказывает, что во всем виноваты жида, и раза четыре на дню выходит в туалет передернуть. Такой классический патриот».

Не только слова, но и поведение Смылова соответствует отечественной разновидности либерального конформизма, позволяющей приспособливаться к любым обстоятельствам: «Я перестраиваюсь. Примиряюсь, спасаюсь. Десять лет комфорта. Я завожу молоденькую секретаршу и увеличиваю количество командировок. Впрочем, с этим проблем нет»

О том, что образ Льва Смылова создавался автором с учетом его собственной биографии, мы уже говорили. Не менее интересным представляется образ его друга Кало. В романе он цыган, но эпитет «чернушка», которым награждает его Лев Смыслов, позволяет соотнести с этим персонажем представителей различных национальностей из числа тех, кто сам или чьи родители приехали в Москву делать карьеру да так здесь и остались.

В романе мама цыгана Кало «продает героин», который, по словам Смылова, «приносит соседской семье неплохие доходы». Принимая во внимание склонность автора романа к обобщениям, можно сделать вывод о том, что торговля героином мало чем отличается от торговли совестью, которой во времена СССР занимались выходцы из многих союзных республик, приезжавшие в Москву за лучшей жизнью и солидными должностями. Данный факт не мог не оказать влияния на их детей, которые, будучи свидетелями издержек карьерных достижений родителей, на всю жизнь сохранили ненависть к советской системе. Однако (и это самое удивительное) при всей своей ненависти они с удовольствием пользовались привилегиями, которые их беспринципные родители получали от этой системы в Москве.

В романе взгляды такого рода «мигрантов» выражает гей-футболист Александр Славин. Приехав в Москву из Франции, он смотрит на жителей России с изрядной брезгливостью: «Смотришь на это рыло, и сразу понятно — добро пожаловать в великую страну!»; «Чувствуется, что в обществе очень много агрессии. На улице куча борзого бычья. Все прохожие почему-то толкаются! Никакого личного пространства! Более того, задев тебя, никто не спешит извиниться»; «Кажется, местное население использует возможности собственного языка процента на три. Какой-то невообразимый культ Элочки-людоедки (это такой литературный персонаж, олицетворяющий собой глупость, вульгарность и пошлость). Я много лет разговаривал по-русски только в семье, но здесь впервые почувствовал себя профессором сла-

вистики»; «Претензия — есть главная движущая сила этого народа. Все, что они ни делают, все, что ни говорят, они делают и говорят с претензией».

О том, как разрабатывался план травли журналиста Антона Пятого и кто в нем принимал участие, мы узнаем из рассказа все того же Льва Смыслова. Надо сказать, что чтение исповеди Смыслова — это настоящее испытание для читателя. Шаг за шагом в мельчайших подробностях Лев описывает своему брату и подготовку к травле, и сам ее процесс, и смену тактик, и ужас, который испытывает жертва, и неумное торжество победителей после всех их бесчинств. Дабы никого не утомлять, ограничимся кратким ее описанием: «Травля была скрытой, бешеной и лихой. Травля эта была подлой и выразительно тихой».

Кампании по травле, которые проводились в СССР, были направлены на то, чтобы заставить людей публично покаяться. В романе Филипенко цель у травли другая: заставить журналиста уехать за границу. И эта цель в большей степени соответствует реалиям «бывшей родины» молодого автора.

Если уж говорить о травле в современной России, то такого рода кампании скорее ассоциируются с выпадами либеральной общественности, например, против Чулпан Хаматовой, Леонида Рошала, Юрия Башмета, поддержавших Путина, или с обвинениями пожилого журналиста в адрес юной чемпионки Юлии Липницкой, которая так и не смогла после этого оправиться. Можно вспомнить ту ненависть, которая обрушилась на участников «Бессмертного полка» и на тех, кто поддержал проведение Олимпиады в Сочи и возвращение Крыма в состав России. Примеров такого рода, к сожалению, множество.

Началу травли в романе предшествует сцена убийства медведя — такое вот своеобразное «ружье», которое затем «должно выстрелить»: «Собаки лают, бросаются на медведя и тотчас отступают. Выгибают спины и огрызаются. Дыбом стоит шерсть. У нас пузырьки по коже. Мы видели это не раз, но в первые минуты всегда так. Потрясающе страшно. Глухо рычит прикованный зверь. Он поднимается на задние лапы, но не может атаковать. Все, что ему сегодня позволено, — до последнего умирать». Хотя в сознании носителей русских культурных традиций образ атакованного со всех сторон медведя ассоциируется вовсе не с либералами, и автору, который уже давно живет в России, стоило бы это знать.

Суммируя впечатления от романа, я тоже позволю себе обратиться к метафоре. Мне представляется, что литературное творчество Филипенко, результат которого по неведомым мне причинам столь высоко оценили эксперты «Большой книги», напоминает процесс трансформации его имени: белорусская фамилия *Філіпенка* стала писаться на украинский лад русскими буквами. Такого рода превращения бываю крайне болезненными, и в этом случае мы, читатели, неизбежно становимся их заложниками, испытывая на себе все негативные последствия.

Алексея Иванова называют «одним из самых ярких и знаменитых писателей, появившихся за последнее десятилетие»⁴. По его произведениям снимают фильмы, интервью с ним охотно печатают ведущие СМИ. Тем удивительнее для меня было знакомство с его новым романом **«Ненастье»**. Причина моего удивления связана не с языком и даже не с сюжетом произведения, а с выбором автором ракурса восприятия. «Социальная страта, описанная в романе, — демос, плебс. То, что называется „простонародьем“. Тот „пипл“, который „хавает“. Электорат. Жлобы говорят: „Быдло“»⁵.

⁴ Экзистенциальные ловушки от Алексея Иванова // Московская правда. 23.04.2015. <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=22416>

⁵ Иванов: «Солдатское братство стало частным бизнесом». Известный писатель — о своем новом романе «Ненастье» и нашем времени // Новая газета. 11.04.2015. <http://www.novayagazeta.ru/arts/68039.html>

В центре нового романа Иванова «люди без образования, без амбиций, без капиталов». Среди них «установщики кондиционеров, водители троллейбусов, ремонтники, охранники, продавцы»⁶. Безусловно, выбор социального статуса персонажей — личное дело автора, однако оценки, которые он при этом позволяет себе, вряд ли можно назвать приемлемыми.

Не только в интервью, но и в романе автор щедро награждает своих героев разного рода эпитетами: «тупые», «идиоты», «халдеи», «терпилы», «бандюки», «дрочилы». Соответственно, организация «Коминтерн», в которую входят эти люди — ветераны войны в Афганистане, является, по мнению Иванова, «ревущей и полупьяной толпой недавних солдат во главе с быдло-фюрером Лихолетовым».

Автор делает все для того, чтобы у читателей не возникло сомнений относительно полной их безнадежности. Хотя вроде бы Алексей Иванов не прокурор, и не его дело выносить приговоры, даже своим персонажам. Оценки должен выставлять читатель, причем каждый по-своему; именно в этом и состоят традиции русской литературы.

В одном из своих интервью Алексей Иванов говорит о своих «героях»: «Я не склонен по-интеллигентски наделять их какой-то миссией, но в русской культуре не принято относиться к ним с презрением»⁷. Однако после прочтения романа у читателей складывается впечатление, что время *той* «русской культуры» и *той* «интеллигенции» ушло безвозвратно.

При таком безапелляционном подходе автору часто приходится задним числом разъяснять смысл своих произведений. Например, о романе «Географ глобус пропил» Алексей Иванов говорит: «Это роман о стойкости человека в ситуации, когда нравственные ценности не востребованы обществом, о том, как много человеку требуется мужества и смирения, чтобы сохранить „душу живую“, не впасть в озлобление или гордыню, а жить по совести и любви».

Возможно, это так, но если у читателей постоянно возникают сомнения относительно того, что хотел сказать автор, это проблема автора, а не читателей. Литературное произведение не «Черный квадрат» и не отвлеченный символ, которые искусствоведы и культурологи могут трактовать, как им хочется.

Вместе с тем роман «Ненастье» хорошо вписывается в сложившуюся в либеральных околосредовых кругах систему негативного изображения российской действительности. И это крайне прискорбно. Представьте, например, что у кого-то на Украине возникнет желание написать роман о евромайдане: рассказать о плебсе, простонародье и быдле, которые то бегают по городу с нелепыми «кричалками» и дуршлагами на нечесаных головах, то, словно по команде, начинают скакать с непонятно какими намерениями.

Уверена, что в этом случае неизбежно возникнут вопросы: есть ли смысл в столь одностороннем подходе к описываемым событиям и можно ли такого рода текст рассматривать в качестве художественного творчества. Но почему тогда в России ни у кого из членов жюри и экспертов, выдвинувших «Ненастье» в финалисты конкурса «Большая книга», их не возникло?

«Задача литературоведа, — считает Иванов, — объяснить, как произведение соотносится с ситуацией и традицией»⁸. Со всей ответственностью могу сказать,

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Захар Прилепин спрашивает. Интервью о литературе и политике: Алексей Иванов. Я умею писать так, как хочу, и пишу так, как мне нужно, а не так, как получается. <http://www.zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksei-ivanov-ya-umeju-pisat-tak-kak-hochu-i-pishu-tak-kak-mne-nujno-a-ne-tak-kak-poluchaetsya.html>

что в данном случае эта задача так и осталась невыполненной, потому что после прочтения романа никак нельзя понять, почему именно в наши дни Алексей Иванов обратился к разработке сюжета, в котором население «захолустного города Батуева» представлено как склонная к агрессии тупая толпа. Ведь очевидно, что настроения людей в 90-х годах прошлого века и в наши дни существенно отличаются. Но об этих изменениях автор не говорит ни слова, как не говорит он и о том, кто в 90-х довел его героев до такого состояния, что стало причиной описываемой им массовой деградации, как произошло, что власть в стране в то время стали захватывать самые наглые и беспринципные, в то время как остальные были вынуждены влачить жалкое существование. Еще сложнее понять, какое отношение к «„пиплу“, который „хаваает“», могут иметь «экзистенциальные ловушки», о которых Алексей Иванов сообщает читателям, пытаясь в очередной раз объяснить смысл своего произведения.

«Я использовал реальные события из истории союза ветеранов города Екатеринбурга», — оправдывается Иванов перед своими читателями. Я никогда не жила в Екатеринбурге, но мне трудно поверить в то, что все ветераны города соответствуют тем уничижительным характеристикам, которые писатель щедро раздает им на страницах своего романа. Столь странное для нашего времени увлечение автором обвинениями массового характера вызывает в памяти судебные процессы 30-х годов прошлого века.

С другой стороны, для кого-то тема побега из провинциального города: от его серых домов, скуки и обыденности, жестокости окружающих и полной безнадежности — является актуальной и сегодня, а значит, этот роман может найти своих читателей. Но и тут стоит отметить, что выход, который на примере главного героя предлагает автор, — уехать в далекую сказочную страну, — выглядит абсолютно нелепо, так как напоминает сюжеты женских романов. Надо сказать, что в последнее время подобные «сказочные» решения проблем все чаще встречаются в произведениях авторов-мужчин, свидетельствуя о смещении гендерной идентичности в нашем обществе.

Роман Иванова начинается с ограбления, которое задумал и осуществил главный герой Герман Неволин, по прозвищу Немец. Он был водителем инкассаторской машины и в одну из смен отобрал оружие у своих сослуживцев, связал их и исчез вместе с деньгами директора рынка Щебетовского. В данном эпизоде нас больше интересует не факт грабежа, а отношение главного героя к своим коллегам: «Герман побарабанил в боковую сдвижную дверь фургона. Парни в салоне через узкое окошко видели, что это стучится Неволин. Конечно, они знали, что водитель в спецрейсе не должен покидать кабину, что оружия водителю не положено... Однако они же тупые. Они просто не сообразят, что к чему. Не заподозрят. В нештатной ситуации они среагируют как давние приятели, однополчане по Афгану, а не как бойцы службы безопасности».

Надо сказать, что тема предательства проходит через весь роман Иванова. Она проявляется в описании города Батуева, который «раскачивался медленно, как громоздкий корабль, — но по его трюму быстро носились крысы»; событий в Афганистане, где «Немца угнетали не драки, не изматывающая работа и даже не унижения, а жестокая и назойливая корысть „дедов“». Таким парням, пускай они опытнее, невозможно было доверять»; через бывшего кагэбэшника Щебетовского, который в 90-е стал директором рынка, а потом использовал «Коминтерн» для осуществления своих целей; через отъем ветеранами Афганистана квартир у очередников города: чернорабочих, инвалидов, учителей, врачей, бывших детдомовцев и пенсионеров.

К относительно приличным персонажам в романе относятся Герман Неволин и его сослуживец по Афганистану «бесшабашный» Серега Лиходеев. «После дембеля Серега работал инструктором в райкоме комсомола, вел военно-патриотическую работу с ветеранами Афгана», а затем «учредил „Коминтерн“», который «стал структурой, объединяющей „афганцев“». «Для „афганских“ бизнесов „Коминтерн“ оказался сразу всем — и банком, и „крышей“, и фондом трудовых резервов».

«Коминтерн» начинал свою деятельность под эгидой «афганского братства», которое, по мнению Лиходеева, основывалось на взаимовыручке: «В Союзе мы братья по Афгану и на этом делаем дела. — Какие? — Да какие обычно. Какие по закону разрешается. В основном разный бизнес: кооперативы, эспэшки, „челноки“, кредиты, биржа. Еще всякий собес и „гуманитарка“. Да можно дохера всего, Немец. Тебя везде поддержат. Коммерс-„афганец“ тебе всегда в долг даст, поверит, поручится. Мент-„афганец“ твою жопу прикроет. Бандос-„афганец“ на тебя не полезет. Любой начальник тебя выслушает, если его самого как-то Афганом задело, посоветует, познакомит с нужными людьми. Вот и работай. Зеленый свет!»

«Бесшабашному» Лиходееву в романе противостоит бывший майор госбезопасности Щebetовский, который убеждает его в идеологической недальновидности: «Вы делаете ставку на миф. Нет никакого „афганского братства“ или „афганской идеи“. Война была государственной ошибкой, а ошибки неплодотворны». И комитетчик оказался прав, потому что в трудную минуту «братья» предали Лиходеева: на перевыборах вместо него «афганцы» проголосовали за ставленника Щebetовского.

Кроме склонности к предательству, в характере и поведении героев романа находит проявление еще одно качество — сознание своего права жить за чужой счет, то есть права на иждивенчество. Как Лиходеев пребывал «в убеждении, что очень многим пожертвовал ради благополучия парней из „Коминтерна“, и „афганцы“ теперь ему должны», так и его подопечные после возвращения из Афганистана были уверены в том, что на гражданке к ним будут относиться с почтением, безоговорочно отдавая последнее. Той же точки зрения придерживался и комитетчик Щebetовский, развернувший в городе свой рыночный бизнес.

В отличие от динамичных «бандитских разборок», описание в романе афганских будней выглядит довольно вяло. «Строевая. Кроссы. Опостылевший футбол на плацу. Бляху ремня драили пастой ГОИ: должна блестеть, „как яйца у кота“. Чесотка. Фурункулез. Недосып. Жрать всегда хотелось. Луковица считалась яблоком. В кисель солдатам добавляли бром, чтобы на баб не тянуло»; «Впечатляло, как торгуют свои же — несут в дулканы все подряд: одеяла, столовские ложки, консервы из пайка, форму. За автозеркало дулканик давал тысячу „афшек“, за колесо от „КамАЗа“ — двадцать тысяч».

Странно, что во всем 620-тысячном контингенте солдат и офицеров, которые принимали участие в боевых действиях в Афганистане, писателю не удалось найти ни одного приличного человека. Взять, к примеру, Рамиля Шамсутдинова: «В Афгане Шамс озлобился. По-татарски терпеливый, он служил, словно стиснув зубы, и настраивал себя: больше нельзя терять свою выгоду, больше нельзя выкраивать у самого себя, колебаться, идти у кого-то на поводу. Если получится некрасиво — ну и пусть, зато его не обделят. Эгоизм стал ответом Шамса на несправедливость судьбы». А «Дуська, Ваня Дедусенко, как-то быстро опустил, исхудал, опаршивел. Он был готов шакалить хоть для кого, лишь бы избавиться от страха». Читаешь роман Иванова и думаешь: как же наши войска там десять лет пробыли, каким образом удержались и кто вместо них воевал? Но и на эти вопросы писатель «не дает ответа».

С повальным шкурничеством, предательством и мародерством, о которых Алексей Иванов сообщает читателю на страницах своего романа, не связан только один

персонаж — Татьяна Куделина, жена Невolina. Вот как описывает ее автор: «Таня была девочкой незаметной, серенькой, обычной: училась средне, ничем не выделялась, косичка будто мышиный хвостик. В классе ее никто не обижал, но и ее отсутствия тоже не замечали. Она всегда была где-то сбоку, во втором ряду, в безликом числе прочих. Она стеснялась чужого внимания, робела напоминать о себе, не умела ни драться, ни плакать».

Судя по всему, в главной героине Иванов объединил сразу два художественных образа: Сони Мармеладовой из «Преступления и наказания» Достоевского и «вечной невесты» из романа «Когда падают горы (Вечная невеста)» Чингиза Айтматова. Но и здесь усматривается подвох, потому что ни духовной стойкости героини Достоевского, ни мистической силы воздействия айтматовского образа у Татьяны нет.

Если в романе Айтматова образ «вечной невесты» являет собой символ женственности, манящий и неуловимый, желанный и призрачный, то главная героиня Иванова предстает перед читателем совсем в другом качестве: «Только муж удерживал ее от бесконечного одиночества, и Таня старалась для Германа, очень старалась: даже в СМСках набирала все необходимые прописные буквы и в конце сообщения обязательно ставила точку. Она уже осознала и поверила: если не будет слушаться Германа, то погибнет». И она его слушалась, как до него слушалась Лиходеева и Танцорова.

Влюбленный Герман, которому Татьяна заменила весь свет, «придумал, как ему сделать мир вокруг Танюши таким, в каком ей не больно будет жить. Он может увезти Пуговку в Индию. Из ненастья — на полуденное солнце». Но для отъезда нужны были деньги, и главный герой идет на ограбление.

Спаси героя в этой ситуации, по мнению автора, могла только Татьяна. И она спасает его от смерти, проявляя чудеса отваги и решимости. Правда, перед этим в простоте душевной выдает своему любовнику Танцорову место, где ее муж прячется.

Конец романа можно отнести к разряду относительного хеппи-энда: раненный бандитами-«афганцами» Неволин попадает в руки милиционеров. Его физическому существованию ничто не угрожает, а о душевном возрождении в романе Иванова и речи быть не может. Не тот жанр.

Кстати, о жанре. В одном из интервью Алексей Иванов говорит о том, что больше всего любит смотреть «западные сериалы». К этому формату, по его мнению, постепенно должна прийти и современная литература⁹. Что ж, будем рассматривать новый роман Иванова с героем-одиночкой, предателем-комитетчиком, злодеями-сослуживцами и преданной подружкой как вклад писателя в «голливудское» будущее русской литературы.

Сюжет романа **Петра Алешковского «Крепость»** определяет его название. Образ крепости, каменной и духовной, проходит через весь роман как напоминание о самом главном в жизни человека. Это и дом предков главного героя в Деревске, «двухэтажный, длинный», «могучий, аки крепостная стена»; и городская крепость, сложенная в XV веке из местного известняка «на самой круче у реки» «как форпост на новгородской границе»; и «внутренняя крепость» главного героя, который «неистово борется» за сохранение этого памятника. Для героя романа старинная крепость олицетворяет незыблемую твердыню, историческую память страны, которую нельзя ни стереть, уничтожив «культурный слой», ни превратить в «туристическую клюкву».

Главный герой романа — археолог Иван Сергеевич Мальцов, сотрудник музея-заповедника в провинциальном городе — переживает черную полосу в своей жизни.

⁹ Экзистенциальные ловушки от Алексея Иванова // Московская правда. 23.04.2015. <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=22416>

Любимая жена Нина предаёт его и его дело и уходит «к Виктору Калюжному, археологу новой формации», вызывающему «у Мальцова брезгливое отвращение». «Маничкин, бывший одноклассник, преуспевший в школе по комсомольской линии», который в начале 90-х «стал директором деревского городского музея-заповедника, созданного благодаря обстоятельному письму-прошению в верха самого великого академика Лихачева, бескорыстно любившего их древний город», «уволнил Мальцова и уничтожил экспедицию».

Удары эти для героя «были подлые», и он, по обыкновению, пытался заглушить боль водкой. «Видишь ли, — говорил Мальцов, беседуя с бутылкой, — оба удара смертельные, а я пока еще жив. Странно. — Прикончив первую, он свернул голову второй».

Противников главного героя Алешковский описывает в виде персонажей из «Мастера и Маргариты»: «Всклокоченная Нина верхом на опаленной свиной туше, в плащ-палатке и с пионерским галстуком»; «Бортников с трубой, как архангел на монастырской фреске, — маленький, стоит на подножке „гелендевагена“, а труба больше его в три раза»; «Маничкин, в смокинге и полосатых гангстерских брючках и желтых крокодиловых туфлях, стоит на трибуне, убранной лозунгами „Единой России“»; «московский думец» «жирный Пал Палыч», с «жутким лицом упыря», «выросший из заместителей прежнего губернатора в столичного вельможу»; грантоед Калюжный, «слуга у новых бар», процветающий на откатах; «начальник музейного департамента» Лисицына, разъезжающая на «мерседесе», и это «в нищем-то министерстве культуры». Мальцов их всех презирал и считал людьми бессовестными.

Не только местные и московские начальники, но и то, что происходит вокруг, угнетает Мальцова: «Бескультурие, страной правят необразованные и алчные люди...» Борьба героя-одиночки со всем миром составляет суть нового романа Алешковского. Однако образ главного героя тоже не безупречен; правда, изъяны у Мальцова другие — не такие, как у начальников.

«Жалкий, отчаявшийся, никому не нужный алкоголик», он постоянно попадал в ситуации, от которых ему становилось стыдно. Он привык «горевать о потерянных возможностях, страдать или не страдать о предательстве бывших друзей, упиваться своей неудачей, как делал в Василёве, казнить кого-то или себя самого». То вдруг, «как мотылька на лампу, Мальцова поманило к необычно куртуазной столичной чиновнице, поманило и напугало одновременно»; то захлестывала жалость к себе: он «мгновенно представил себе, как умрет в городе, позабытый и заброшенный, зажмурился, сморгнул наворачнувшиеся слезы — пришлось вытирать глаза рукавом рубашки, носовых платков ведь так и не купил».

И его спасали и от запоев, и от болезни. Жена Нина «научилась ставить капельницу, гладила по руке, терпеливо снося капризы его отвратительного характера»; деревенская соседка Лена во время болезни окружила заботой, которая «была сродни давно забытой материнской: мама с таким же теплом и настойчивостью лечила его простуду, когда в каникулы он заболел здесь, в Василёво, поила с ложечки горячим молоком с боржомом, а он кочевряжился и отказывался пить молоко с пенками, которые называл „тряпочками“».

Инфантильность главного героя, которую он оправдывал бедами, сыпавшимися на него как из рога изобилия, по сути, и привели к катастрофе. Как обиженный ребенок, он рисовал себе нелепые картины казни своего обидчика: «Зашить ему, Маничкину — существу подлей собаки, — произнес он страшное ордынское ругательство, — все верхние и нижние отверстия, закатать в войлок и бросить в реку», но продолжал терпеть его нападки из страха перед будущим. Сообщить в Москву о воровстве Маничкина Мальцов решил только после того, как его уволили из музея.

Но даже в этой ситуации сомнения не покидали главного героя. «Официально Мальцов числился уволенным, бояться было нечего. Но страх был. Ведь как только узнал об увольнении, о Нинином предательстве, написал на одном дыхании и отправил в столичную газету статью. Разгромную. Рассказал про воровство Маничкина, про то, как Москва и местные власти душат культуру в Деревске». Если бы Мальцов решил послать статью раньше, возможно, события в романе приняли бы другой оборот. Но мужества на это у него не хватило.

«Тряпка», только «о себе», — ругает себя Мальцов. Может быть, и «тряпка», однако стоит признать, что именно такие персонажи все чаще становятся главными действующими лицами современной прозы. Если в русской классической литературе герои молоды, у них все впереди, то современные писатели предпочитают изображать их усталыми, рефлексирующими, не сумевшими даже с возрастом обрести хотя бы относительную гармонию с внешним миром. Отсюда постоянное раздражение, жалобы, недовольство собой и окружающими и обращение к далекому прошлому.

Хотя очевидно, что мир вокруг них каким был несколько веков назад, таким и остался. Во все времена были и беспринципные приспособленцы, и воры, и предатели — те, для кого личная выгода была выше интересов общества. Но исторический процесс это не останавливало, время шло, и государство продолжало набирать силу. Возможно, прав Алешковский, размышляя о неприкаянности своего героя: «все дело в характере, в чертовски раздутом самолюбии, почему, почему, думая о других, он всегда сворачивает на себя, любимого?»

Чтобы забыться и наконец заняться делом — дописать книгу, герой оставляет городскую квартиру жене и будущему ребенку и уезжает в деревню Василёво, в тот дом, где еще в школьные годы проводил каникулы. Но и там работа продвигалась плохо: «Мальцов заставлял себя продолжать начатое из привычного мазохистского убеждения, что это кому-нибудь может быть интересно. Но теперь чувствовал фальшь».

Описание в романе быта деревенских жителей дается довольно поэтично, но без особых эмоций. «Распутин прощался с Матерой и плакал навзрыд. Я навзрыд не плачу»¹⁰, — говорит Алешковский в одном из своих интервью. Действительно, на деревенских жителей автор и его герой смотрят как абсолютно чужие люди.

Для Мальцова жители Василёва делились на две группы. В первую входила соседка Лена: «скрюченная кочергой от сковавшего кости артрита, она обязательно находила себе дело: что-то подвизывала, полола, поливала или просто совершала обход, не ленись заглянуть и в мальцовский огород, пока там еще что-то росло. — Надо двигаться, — говорила Лена, улыбаясь, — без движения что — ложись и помирай. В этом была вся ее философия жизни. На вопрос, как жили раньше, всегда отвечала: „Работали“».

Во второй были местные бездельники, пьяницы и «пофигисты» — «останки советской империи, брошенные властью, никому не нужные, топящие свою безысходность в дешевом алкоголе», но при этом всегда готовые прийти на помощь даже тому, кто этой помощи не заслуживал.

И это раздражало. Перебравшись в деревню, Мальцов «вдруг понял, что никогда не поймет здешних жителей до конца, они были другими людьми, наученными принимать мир таким, каким он принимать его наотрез отказывался. Сердце заныло, он ощутил внутри пустоту и полную безысходность своего одиночества». Осознавая собственную исключительность, герой повторял: «Пустая прослойка, пустая

¹⁰ Петр Алешковский: Жить стало душно. Известный писатель — о нерве времени, самой грандиозной империи, о вреде клдоискательства и маминых котлетгах // Новая газета. № 130. 25.11.2015. <http://www.novayagazeta.ru/arts/70889.html>

прослойка, <...> и с этими людьми, Мальцов, ты думал договориться? О чем? Они же и говорят теперь на другом языке. Все люди остались под землей! А-а-а! — скрежетнул зубами».

Перед его глазами встала «пустая прослойка культурного слоя в Василеве — восемьдесят лет жизни страны после грозинского разорения Великого Новгорода. Безлюдная пустота, три исчезнувших поколения, три поколения! И как озарение свыше, пронзила мысль: а сейчас, что сейчас? Та же пустота. Сколько-нибудь значимые люди остались в ГУЛАГе, полегли в беспощадных мясорубках прошедшего века в родную землю, и их безмолвные кости покрылись дерниной навек, навсегда. Маничкины, бортниковы, пал палычи — дети и внуки выживших. Их отцов и дедов лепили из библейской глины рябые сталинские пальцы, добываясь покорности, единообразия, выдавливая из глиняного теста все лишнее, веками откладывавшееся в морену».

Отчаяние не покидало героя. Ни в городе, ни в деревне места ему не было, и в этом Мальцов по привычке винил окружающих. Описывая отношение главного героя к происходящему, автор сумел подметить главное — склонность значительной части нашей интеллигенции объяснять свои неудачи исключительно внешними обстоятельствами.

Ждать от «пустой прослойки» было нечего, но иногда герой все же срывался, вступая в дискуссии с местными жителями. Разговаривая с «бородатым дедом в аккурратно заштопанном ватнике», Мальцов удивился его трактовке послереволюционных событий. «Так что же это было, если не восстание против продразверстки, против мобилизации? Вопрос Мальцова разом вернул старика с неба на землю, он встрепенулся: — Свободы нюхнули! А свобода в голове — что в поле ветер, в жопе дым! <...> Нам свободы никак нельзя, от нее голова кругом и кровь рекой. Иосиф Сталин это понимал, закрутил гайки, знаешь, как мы работали?» — ответил старик.

«Значит, деда вашего разорили, а вы не в обиде?» — не унимался Мальцов. Но старик на провокацию не поддался: «Дед в другие времена жил, мы таких, кто обиженный, нытиками называли, на собраниях и в стенгазете их высмеивали. Мы своим трудом гордились, за совесть старались, не за деньги!» Поняв, что спорить бесполезно, Мальцов развернулся и пошел своей дорогой, посмеиваясь над «честным глупцом». Вопрос для него был решен, вот только читателей такое решение вряд ли устроит.

Все далеко не так просто, как хотелось бы главному герою. Например, свободу он и деревенские жители понимали по-разному. Для Мальцова это было «некое состояние духа», для Лены и старика — оправдание собственного эгоизма и слабостей. «Кричат по телевизору — свобода, свобода! — говорила Лена. — В школе нам о нем говорили, ну, когда крестьян освободили при царе. Я могу такое понять, но ведь свобода всегда от чего-то бывает. У тебя-то от чего свобода? Тебя никто в цепях не держит. По мне, что свобода, что лень — все едино: лег на спинку и лапы кверху, а картошка сама в рот запрыгнет?»

«Мальцова не удивило, что отвлеченное понятие, типа „свобода“, было ей непонятно, не укладывалось в голове, а значит, записывалось в разряд враждебных и отвергалось за ненужность. Жизнь ее тянулась картофельной бороздой, четко спланированной, прямо вспаханной, в ней все было расписано и все повторялось многократно от начала до конца». Ни свободе, ни эгоизму, ни лени в этой жизни места не было. А в жизни Мальцова — было.

Хотя о том, что это была за свобода и от чего, в романе умалчивается. А зря. Если вспомнить о регулярных запоях героя, о его потакании собственному безделью и изменах жене с соседкой Татьяной, за которыми неизбежно следовало недоволь-

ство собой и угрызения совести, то выходит, что Лена была права. Освободиться от собственных слабостей герой не может, но требует этого от окружающих.

И еще одно качество отделяло деревенских жителей от героя — умение прощать. Из века в век они прощали других, чувствуя, что в этом заключается смысл правильной жизни их, грешников. Герой художественно-исторических реминисценций Мальцова дивился этой черте русского характера и необычному для него слову «прости»: «Туган-Шона вскоре уже читал Пролог и изумлялся терпению святых, сносивших муки ради Распятого. Как настоящий монгол, он презирал слабость, неумение отомстить обидчикам. Он не видел слабости у русских, но это странное слово почему-то часто слетало с их языка».

Мальцов так и не смог найти общий язык с деревенскими жителями и вернулся в город. О том, что у каждого в жизни своя правда, он не думал и думать не мог, потому что относился к этим людям с чувством глубокого превосходства. Хотя, казалось бы, герой Алешковского — человек с высшим образованием и должен понимать очевидное: бесполезно упрекать других, что они не такие, как ты, потому что у них есть то, что тебе недоступно; да и обществу наличие противоположностей позволяет сохранять равновесие, защищая его от крайностей.

Читая роман Алешковского, чувствуешь, что имеешь дело с очень добротным художественным текстом. Сложные предложения с многочисленными эпитетами и сравнениями органично вплетаются в повествование, не вызывая ни раздражения, ни отторжения. Речь автора льется свободно и красиво, увлекая за собой читателя.

Особенно ярко эта черта проявляется в описаниях событий далекого прошлого. Не совсем, правда, ясно, для чего писателю надо было вводить в сюжет романа второй исторический текст, делая из своего произведения нечто вроде временного лоскутного одеяла. Скорее всего, цель состояла в том, чтобы на историческом фоне заметнее проступили черты деградации, которую он наблюдает сегодня.

С другой стороны, если, например, в романе Айтматова «И дольше века длится день...» сказания и легенды о прошлом поддерживают героев, позволяя им обрести себя, то есть даются в помощь, то в романе Алешковского они ставятся им в укор, а это существенно снижает жанровые возможности произведения. Не случайно настоящее в романе Алешковского всегда проигрывает.

И для писателя, историка по образованию, и для его героя-археолога события далекого прошлого, когда «маленькие русские княжества вдруг оказались клочками, заплатами на великой простыне человечества, разросшейся до неопишуемых размеров», имеют эстетический и нравственный приоритет. Хотя не всегда понятно, на чем он основывается.

По признанию Алешковского, у него «даже была идея дать книге подзаголовок: „Путь воина“, потому что все три ее героя — воины»¹¹. Герои художественно-исторических реминисценций Мальцова — Мамай, Тимур и Тохтамыш, безусловно, были воинами и внесли свой вклад в историю русского государства. Правда, результаты этого вклада можно трактовать по-разному. В романе Алешковского возвышенная оценка монгольских правителей дается в сопоставлении с крайне негативным отношением героя к положению дел в современной России.

Лишь однажды, вспомнив свое любимое «седьмое правило Тимура-завоевателя, что гласило: „Всегда давал лишь такие обещания, какие мог исполнить: я думал, что если точно выполнять обещания, то всегда будешь справедливым и никому не причинишь зла“», Мальцов словно очнулся. «Как пропасть разверзлась под ногами. Тимур — жесточайший правитель, кровавый тиран, о каком зле или добре мог

¹¹ Там же.

рассуждать человек, уничтоживший сотни тысяч побежденных, стиравший с лица земли целые города?»

Не менее кровавыми были «пути» и у других монгольских завоевателей. И если у героя романа возникают вопросы относительно правомерности их возвышения, то возникают они и у читателей. Чем, например, отличался от монгольских правителей «кровавый тиран» Сталин? Но на этот вопрос, крайне важный для сегодняшнего времени, в книге Алешковского ответа тоже нет.

«Жить стало так душно, что порой хочется выть...» — признается автор в одном из своих интервью. Весьма странное заявление, особенно для историка. А разве во времена монгольского нашествия, в Гражданскую войну или в Отечественную жить было легче? Так, может быть, прав был «бородатый дед в аккуратно заштопанном ватнике», когда говорил о нытиках.

Не только властители прошлого выигрывают в сопоставлении с современными чиновниками и функционерами, но и обычные люди. Достаточно сравнить описание в романе одного из военачальников Мамай, храброго воина Туган-Шона, и связанного с ним родственными корнями Ивана Мальцова; «первого хана Государства Всех монголов — Хабула», который «происходил из кости кият, потомков легендарного Кияна», и соседки Мальцова пьяницы Татьяны, тоже киятки по национальности; инока Николая, принявшего смерть за отечество, и сбежавшего из монастыря бездельника Просто-Колю, который говорил, что ищет сказочное Беловодье, а находил только возможность поесть и выпить за чужой счет.

А вот Мальцов свое Беловодье нашел, хотя это и стоило ему жизни. Пытаясь остановить экскаватор, который мог разрушить древнюю церковь, он проваливается под землю и там умирает, забытый всеми, у алтаря найденной им церкви Ефрема.

Читатель явно такого не ожидал, потому что в начале романа возлагал на героя большие надежды. Но, видимо, по мнению Алешковского, такого рода конец мог стать единственным достойным выходом для Мальцова. Возможно, так оно и есть, но все равно остаются вопросы. Ведь в отличие от героев прошлого, сознательно идущих на гибель, Мальцов свою смерть не выбирал — так распорядился автор романа. А это значит, что его героизм не столь очевиден.

Роман **Леонида Юзефовича «Зимняя дорога. Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии. 1922—1923»** вряд ли получит первую премию, но он заслуживает того, чтобы быть отмеченным. В книге рассказывается о походе белого генерала Пепеляева в Сибирь на помощь повстанцам, выступившим против советской власти. В своем произведении автор широко используют дневники, материалы следствия, выдержки из выступлений и газетных публикаций того времени, выстраивая сюжет таким образом, чтобы события предстали перед читателем не как застывшее полотно о прошлом, а как часть жизни тех, кто был их участником.

«Я не мыслитель, — говорит о себе Юзефович, — и мое понимание жизни растворено в подробностях самой жизни. Мне проще рассказать историю — иногда подлинную, иногда придуманную, а чаще подлинную, но измененную, — чем потом сформулировать заложенный в ней смысл. <...> Трудность в том, чтобы найти такую историю из жизни, в которой отразилось бы время, т. е. история общества. Я всегда хочу что-то сказать не столько о человеке как таковом, сколько о человеке во времени»¹².

¹² Захар Прилепин. Интервью о литературе и политике / Леонид Юзефович. Противоречие нужно уметь принять как метафизическую данность и научиться жить с ним. <http://www.zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/leonid-juzefovich-protivorechie-nujno-umet-prinyat-kak-metafizicheskuju-dannost-i-nauchitsya-jit-s-nim.html>

Место и время действия, а также жанр, которые Леонид Юзефович выбрал для этого произведения, вряд ли можно назвать выигрышными. Однако сходство судеб двух талантливых современников, оказавшихся по разные стороны баррикад в послереволюционной России, по-настоящему задело автора. Возможно, в противостоянии белого генерала Пепеляева и командира Красной армии Ивана Строда он увидел отголоски нашего времени.

История похода генерала Пепеляева началась во Владивостоке летом 1922 года. «Пепеляев прибыл сюда из Харбина, чтобы сформировать отряд добровольцев и отправиться с ним в Якутию — поддержать полыхавшее там антибольшевистское восстание». Этот отряд «стал Сибирской добровольческой дружиной. К исходу лета Пепеляев готов был отплыть с ней в порт Аян на Охотском побережье, а оттуда двинуться на запад, к Якутску».

«Он верил, что в борьбе с деспотией большевиков „вольная Сибирь“ принесет России свободу в обмен на собственную автономию». «Как он однажды выразился, им овладел „дух упований“ — надежда, что из этих стихийных мятежей родится новый порядок русской жизни». Ради этого нового порядка генерал оставил в Харбине жену и детей и отправился в неизвестность.

Анатолий Пепеляев был человеком далеко не наивным. С 1914 года он воевал «на фронте, командовал полковой разведкой, батальоном, был ранен, награжден семью орденами, включая Святого Георгия 4-й степени, дослужился до подполковника». Но в нем жила неистребимая сила и уверенность в сопричастности своей судьбы судьбе отечества.

В дневнике Пепеляев писал: «Я не партийный. Даже не знаю, правый или левый. Я хочу добра и счастья народу, хочу, чтобы русский народ был добрый, мирный, но сильный и могучий народ. Я верю в Бога. Верю в призвание России. Верю в святых русских, в святых и угодников. Мне нравится величие русских царей и мощь России. Я ненавижу рутину, бюрократизм, крепостничество, помещиков и людей, примазавшихся к революции, либералов. Ненавижу штабы, генштабы, ревкомы. Не люблю веселье, легкомысленность, соединение служения делу с угодничеством лицам и с личными стремлениями. Не люблю буржуев. Какого политустройства хочу? Не знаю... Республика мне нравится, но не выношу господство буржуазии».

Противник его Иван Строд, с которым белого генерала в Сибири свела судьба, в том же «1914 году, на год раньше срока призыва, <...> добровольно ушел в армию». «Он воевал на Западном фронте — в пехоте и в разведке, как Пепеляев. Имел шесть ранений, три из них — тяжелые. При Керенском, вслед за четвертым солдатским Георгием, получил чин прапорщика. После Брестского мира вернулся в Люцин, но на тихой уездной родине ему совершенно нечего было делать, и весной 1918 года он очутился за тысячи верст от дома, в Иркутске». «Как в Пепеляеве, ни мстительности, ни ожесточения в нем не было, но, в отличие от своего будущего противника, тяготившегося военной службой и не в ней видевшего свое призвание, Строд — человек войны», — пишет Юзефович.

«В прошлой жизни его звали Ян или Йонс, его предки по отцу — крестьяне из Латгалии, отец — фельдшер, сам он — бывший прапорщик, выслужился из солдат, полный георгиевский кавалер». В начале романа эти герои «друг о друге <...> пока не думают и не подозревают, что их имена всегда будут произносить вместе». Хотя всего того, что описывается в романе, могло и не случиться. Если бы Чехословацкий корпус не поднял мятеж, который «поставил его в ряды защитников Центросибири», Строд вполне мог бы, как и мечтал, «эмигрировать в Америку».

Но он не эмигрировал и проявил чудеса стойкости в новой для себя должности. Возглавляемый им небольшой отряд красноармейцев в глухой тайге в условиях

жесточайшего голода, якутских морозов и людских потерь выдержал осаду Сибирской добровольческой дружины генерала Пепеляева. Впоследствии эта 18-дневная осада вошла в историю Красной армии, а Иван Строд написал о ней книгу «В якутской тайге», которая пользовалась успехом у современников.

Но счастья эта победа ему не принесла. После того как осада Сасыл-Сысы была снята, «Строд превратился в мифического персонажа и, как во всех историях о победителях чудовищ, был обречен на гонения после триумфа. Ревность правителя, который сам побоялся выйти на битву с драконом, зависть друзей, неблагоприятность спасенных — вот участь героя», — с горечью пишет Юзефович.

На протяжении всего романа автор говорит о том, что между главными его героями было много общего. Оба были людьми мужественными, принципиальными, равнодушными к атрибутам власти, оба умели подчинять себе людей, стойко переносили невзгоды и шли на жертвы ради того, во что верили. «Осада Сасыл-Сысы обернулась кошмаром для обеих сторон, при всем том и красные, и белые сумели обойтись без зверств, без идеи священной мести, даже без ненависти и едва ли не с жалостью к противнику, обманутому своими начальниками, которых, в свою очередь, тоже кто-то обманул».

Во время суда над взятыми в плен пепеляевцами Строд не позволил себе никаких обвинений в их адрес. Его выступление было «просто рассказом обо всем, что ему и его бойцам пришлось пережить при осаде Сасыл-Сысы. О Пепеляеве — ни одного дурного слова». Этим Строд отличался от «военного администратора» Байкалова, «умного, жесткого, рационалистичного, виртуозно умеющего лавировать между иркутским начальством и местной партийной верхушкой».

Карл Карлович Байкалов (настоящая фамилия — Некундэ), «назначенный командующим вооруженными силами Якутии вместо Каландаришвили», как и Строд, был «выходцем из латышской крестьянской семьи». Но «то, что оба были латышами, — пишет Юзефович, — их не сблизило, напротив, усилило ревность и соперничество. Байкалов, говоривший по-русски с акцентом, но несколько этого не стеснявшийся, не скрывал своего происхождения, тогда как Строд старался о нем не вспоминать».

На суде над Пепеляевым «Байкалов сразу встал в позицию обличителя». Объяснялось это тем, что Байкалов во время осады отряд Строда «предал, не сделав даже попытки помочь осажденным», и теперь нападки на Пепеляева давали ему возможность отвести от себя подозрения в трусости. В одном из обвинений Байкалов поставил Пепеляеву в вину его «слова о том, что Интернационалу следует противопоставить любовь к Родине».

Уважением Байкалов не пользовался, местные жители его боялись. В отличие от генерала Пепеляева. «Атлетически сложенный, с „серьезной русской внешностью“, что немаловажно было в войне против III Интернационала, с открытым лицом человека, чуждого интригам и вообще какой-либо задней мысли, он вызывал доверие».

Хотя в составе его Сибирской дружины люди были разные. «Пепеляев лучше знал своих добровольцев и говорил, что среди них „есть всякие элементы, нельзя идеализировать, публика разная“. Были и такие, кто пошел с ним в расчете поправить финансовые дела». В силу своей увлеченности делом Пепеляев многого не замечал, а вот более искушенные его сослуживцы видели, «как члены „Совета народной обороны“ лихорадочно скупают пушнину и сбывают агентам японских или американских фирм, и знал их лозунг дня, выкинутый тем же Галибаровым: „Дурак, кто не воспользуется моментом“. Появление Сибирской дружины уже принесло прибыль множеству людей и сулило тем больше, чем дольше она сумеет продержаться в Якутии».

Во все времена есть те, кто из любой трагедии будет стараться извлечь прибыль, — натура человека с течением времени не меняется. При этом склонность к мародерству ни политическими взглядами, ни окружающей обстановкой не определяется. Пепеляев это знал и адекватно оценивал свои шансы изменить ситуацию к лучшему.

Решение возглавить добровольческий отряд он принял осознанно. В своем дневнике Пепеляев писал: «Не жажда власти и богатства влекла меня. Я знал, какие трудности, гибель, может быть, нас ждут, но мы идем к народу, и не мы начинаем войну, она уже идет со страшной жестокостью. Неужели отказать в помощи лишь потому, что нас мало? Сказать: мы вели борьбу, вы нас не поддержали, так пусть вас бьют, мы будем смотреть, сидя за границей?» Наверное, то же самое думали те, кто совсем недавно уезжал на юго-восток Украины, чтобы воевать в ополчении.

Неспособность закрывать глаза на несчастья других отличала не только Пепеляева, но и его противников. Например, Степана Вострецова, командира экспедиционного отряда, в задачу которого входило «в кратчайший срок ликвидировать белогвардейскую банду Пепеляева в Охотско-Аянском районе». После разгрома пепеляевцев Вострецов отличился «в боях во время советско-китайского конфликта на КВЖД» и был назначен командиром Омского корпуса. «Ему прочили блестящую карьеру, но в 1932 году, в Новочеркасске, он ночью, один, ушел на кладбище, как в Харбине когда-то уходил Пепеляев, и застрелился из нагана».

«„Душевная болезнь“, на подъеме карьеры приведшая его к самоубийству, и запой, которыми на вершине литературного успеха начал страдать Строд, — пишет Юзефович, — имели общий исток — обласканные властью, оба они тем острее ощущали стыд и вину за происходящее.

„Все эти моменты, — говорил Строд, — я воспринимал довольно болезненно, они и явились причиной моих контрреволюционных высказываний... Я читал газеты и не находил в них ответов на мои вопросы“».

Автор с равной долей симпатии относится и к Пепеляеву, и к Строду, которому «тяжело было выносить то, с чем уживались другие, менее совестливые или более толстокожие. „Отзывчивость“ признавал за ним даже не любивший его Байкалов. То место из „В якутской тайге“, где Строд слышит, как пули звякают о лежащие на баррикаде вокруг Сасыл-Сысы мерзлые тела, и представляет, что мертвецы сейчас закричат „Ой, больно мне! Больно!“, рождено сердцем, а не заботой о том, чтобы усилить эффектность этой сцены».

Описанные в романе истории жизни и смерти генерала Пепеляева и Ивана Строда — лишь капли в море трагических судеб тех, кого революционные события разметали по просторам России. Леонид Юзефович это хорошо понимает и поэтому признается читателям: «Мне трудно объяснить, для чего я написал эту книгу». Однако посыл, который содержится в книге: никто не обладает правом на истину, крайне важен для нас, современников автора.

В романе автору удалось представить три точки зрения: белого генерала Пепеляева, командира Красной армии Строда и свою собственную. Позиция автора — над схваткой — вызывает безусловное уважение; в современной литературе такой подход практически утрачен.

«Проведя достаточно времени на земле, — говорит Юзефович, — я понимаю, что... что правы все. Вообще. Вот у Камю есть одна фраза, суть ее в том, что история — это череда преступлений, которые совершают невинные»¹³. Вот только ответа на вопрос, что делать с теми, кто совершает преступления сознательно, — мародерству-

¹³ Леонид Юзефович: «Надо принять в себя обе крайности». <http://www.kommersant.ru/doc/2303120>

ет, ворует, занимается подлогами и протекционизмом, преследуя свои собственные или корпоративные цели, — автор читателям не дает.

И все же роман Леонида Юзефовича выгодно отличается от произведений, из года в год попадающих в финальный список «Большой книги» в силу определенной тематики или либеральных взглядов их авторов. Кто-то, по всей видимости, пытается регулировать очередность зачисления этих авторов в заветный список, но это не меняет общего впечатления ни от прочитанного, ни от уровня профессиональной подготовки экспертов и членов жюри. Да и сами произведения надолго в памяти читателей не задерживаются.

Вывод, который из этого следует, крайне неутешительный. Хотя «Большая книга» заявлена как национальная литературная премия, в настоящее время ее вряд ли можно рассматривать в этом качестве.